

Цзян Шоуянь не успел даже открыть рот для ответа — в прихожей раздался звук открываемой двери. Следом послышался громкий голос Ци Чжоу:

— Твоя острая свинина! Я взял две порции — одну с зелёным перцем, другую с красным. И тебе лучше бы сегодня съесть всё до последней крошки!

Они жили рядом, были очень близки — даже ключами от квартир обменялись.

— Откуда столько коробок? Ты что, сегодня выходил забирать посылки?

Ци Чжоу присел на корточки в коридоре, бросил взгляд на коробки, а затем, направляясь в гостиную и глядя на сидящего на диване Цзян Шоуяня, спросил:

— Гибкое зеркало? Кемпинговый фонарь? Зачем ты всё это купил?

Не успел он договорить, как наступил на что-то. Опустив взгляд, он увидел абсолютно пустой журнальный столик и полный разгром на полу — было очевидно, что вещи смахнули в приступе гнева. Воодушевление Ци Чжоу от того, что у друга наконец-то появился аппетит, вмиг улетучилось. Он резко вскинул голову и снова замер.

Цзян Шоуянь с телефоном в руке смотрел на него с лёгкой неловкостью. А неловко ему было потому, что кое-кто на другом конце провода безошибочно выцепил из чужой речи пару ключевых слов и со смешком спросил:

— Гибкое зеркало? Кемпинговый фонарь? Цзян Шоуянь, ты собираешься сделать стену с бабочками?

Ци Чжоу проводил взглядом Цзян Шоуяня, который открыл стеклянную дверь, вышел на балкон и плотно прикрыл её за собой. На лице друга не было и следа того нервного срыва, которого так испугался Ци Чжоу: наоборот, в опущенном взгляде читалась редкая, едва уловимая теплота.

Постояв немного в оцепенении, Ци Чжоу вдруг усмехнулся. Он поставил контейнеры с едой на столик, опустил на корточки и принялся не спеша собирать разбросанные по полу вещи. Цзян Шоуянь облокотился на перила и молча смотрел вниз, во двор. Услышав, что шум на фоне окончательно стих, Чэн Цзайе снова заговорил:

— Это пришёл твой друг? Будете вместе отмечать Праздник середины осени?

— Угу, — отозвался Цзян Шоуянь. Солнце в этот час пекло уже не так сильно, как в полдень, и он с удовольствием грелся в его лучах.

Чэн Цзайе включил небольшую настольную лампу рядом с креслом и уселся на ковёр, скрестив ноги:

— Ци Чжоу?

Он видел переписку Цзян Шоуяня и знал, что у того есть друг-врач по имени Ци Чжоу, но не был уверен, что голос принадлежал именно ему. Цзян Шоуянь снова ответил: «Угу». Стоять было тяжело. Он повернулся спиной к улице и сполз по стеклянному ограждению балкона, усевшись прямо на пол. Словно повинуясь какой-то негласной договорённости, оба на время

замолчали.

По-хорошему, раз к Цзян Шоуяню пришли гости, Чэн Цзайе следовало бы тактично сказать: «Тогда не буду мешать» — и повесить трубку. Но некоторые вещи, стоит только начать, отпустить уже не так-то просто. Он даже забыл, что изначальной целью этого звонка было просто убедиться, что Цзян Шоуянь в порядке. Весь этот вечер он не переставал думать о Лили, а стоило закрыть глаза — перед мысленным взором вставала предсмертная записка, оставленная ему Цзян Шоуянем. Ему было до одури страшно.

За окном стояла глубокая ночь. Чэн Цзайе, сжимая в руке телефон и прижимаясь лбом к оконному стеклу, задал банальный вопрос для поддержания светской беседы, которые раньше так не любил:

— Как у вас там погода?

— Довольно жарко, — ответил Цзян Шоуянь. — А у тебя?

— У меня сильный ветер. И очень холодно. — Видимо, уловив по голосу, что настроение у Цзян Шоуяня в норме, Чэн Цзайе осторожно попытался сделать ещё один шаг навстречу: — Мне так не хочется вешать трубку. Можно я как-нибудь снова позвоню?

Тон был настолько робким и осторожным, что у Цзян Шоуяня тоскливо защемило в груди. Он опустил голову:

— Угу.

На том конце провода раздался глухой смешок.

— Цзян Шоуянь.

— М?

— Ничего, просто захотелось позвать тебя по имени. — Чэн Цзайе откинул голову на край дивана. Тяжесть от выпитого алкоголя сейчас заметно отступила. Какое-то время он безотрывно смотрел на витиеватую люстру под потолком гостиничного номера, а затем произнёс:

— Ладно, Цзян Шоуянь, клади трубку. К тебе же всё-таки пришёл друг.

Когда Цзян Шоуянь вернулся в гостиную, Ци Чжоу уже аккуратно собрал и сложил все вещи с пола. Контейнеры с едой, извлечённые из пакетов, ровными рядами выстроились на журнальном столике. Услышав шаги, Ци Чжоу оторвался от телефона и встретился взглядом с Цзян Шоуянем. Тот отвёл глаза, медленно подбирая слова: как бы так рассказать Ци Чжоу о Чэн Цзайе? Но он и подумать не мог, что Ци Чжоу вообще не станет поднимать эту тему. Тот лишь кивнул подбородком на еду и сказал:

— Ешь давай, а то остынет.

Ци Чжоу понимал, что сейчас не время для расспросов. Не желая нагнетать обстановку и создавать для друга лишний стресс, он сам перевёл тему:

— Завтра мы снова будем ужинать вдвоём. Линь-гэ в командировке, не успеет вернуться.

— Командировка? Прямо на Праздник середины осени? — удивился Цзян Шоуянь.

— Да, у него последние два месяца много дел, часто в командировках, иногда по одной-две недели его вообще не видно. А как наконец вернётся, так у меня дежурство. — Ци Чжоу уныло ковырял палочками рис. — Я уже почти забыл, что у меня вообще есть парень.

— Вы оба очень заняты на работе, — с улыбкой сказал Цзян Шоуянь. — Раньше бабушка...

Цзян Шоуянь сделал паузу.

— Всегда заранее готовила еду и раскладывала по контейнерам, чтобы мы забрали с собой, — торопливо подхватил Ци Чжоу. — Но у Линь-гэ это, кажется, последнее дело. Бракоразводный процесс. Мужчина изменил, а женщина оказалась весьма хладнокровной. Сохранила доказательства, связалась с адвокатом и начала втихую, но абсолютно законно переводить активы. На первом слушании муж упёрся рогом и наотрез отказался разводиться, так что их не развели. Сейчас подали апелляцию.

Ци Чжоу встал и налил два стакана воды. В этой кафешке в острую свинину нарезали соломкой имбирь, он только что случайно его проглотил и закашлялся от острого.

Цзян Шоуянь взял стакан, сделал глоток и спросил:

— Разве нет доказательств измены? Почему не развели?

— Если одна из сторон категорически против, суд первой инстанции обычно не разводит, — ответил Ци Чжоу. — Линь-гэ заранее подготовил материалы для следующих слушаний. Это дело, скорее всего, скоро закроют. — Ци Чжоу поставил стакан и облизал влажные губы. — После этого он сможет взять отпуск. Мой ежегодный отпуск как раз тоже ещё не отгулян. Мы заранее договорились поехать куда-нибудь на время, развеяться. Но мне как-то беспокойно оставлять тебя дома одного.

— А о чём тут беспокоиться? — спросил Цзян Шоуянь.

Ци Чжоу даже слов не нашёл, чтобы ему ответить. Тяжело вздохнув, он произнёс:

— Поехали тогда с нами. Тебе как раз стало лучше, полезно будет выбраться в путешествие.

Цзян Шоуянь пока ещё внутренне сопротивлялся дальним поездкам. Опустив голову, он пробормотал:

— Быть третьим лишним?

Ци Чжоу хмыкнул и отложил палочки:

— Будто в универе ты им не был! Забыл уже, как всегда ходил за нами, даже когда тебя не звали? — Ци Чжоу начал загибать пальцы: — Тот раз в кофейне, когда у нас с Линь-гэ только-

только всё закрутилось. Ты заявил, что должен «оценить кандидата», и втиснулся рядом со мной на диванчик! А в студенческой столовой? Моё первое свидание, а ты заявляешь, что соскучился по нашим местным рёбрышкам в кисло-сладком соусе. Полчаса трясся в метро, лишь бы усесться прямо напротив нас и уплетать их за обе щеки!

Цзян Шоуянь со смехом потянулся, чтобы разогнуть его пальцы. Ци Чжоу отшатнулся назад и шлёпнул его по руке:

— Руки убери, я ещё не договорил! Ишь ты, а теперь он брезгует быть третьим лишним. Что же ты раньше не был таким тактичным?

— Всё, всё, — Цзян Шоуянь, видимо, заразившись от Ци Чжоу воспоминаниями о тех весёлых временах, заулыбался ещё шире. — Поеду я, поеду, только перестань перечислять.

— Ты даже не представляешь! Если бы я тогда не пытался строить из себя пай-мальчика перед Линь-гэ, я бы тебя прибил прямо там.

— Можно подумать, ты не лупил меня втихаря, пока никто не видел.

— Чего это втихаря?! Ты слова-то подбирай, я просто пару раз хлопнул тебя по спине!

В Праздник середины осени Цзян Шоуянь обедал у Ци Чжоу. Ни у одного из них не было праздничного настроения. В лучшем случае это был шанс получить пару выходных, чтобы немного перевести дух, да и то Ци Чжоу умудрился за эти три дня взять две рабочие смены. Но когда всё-таки выдался свободный день, им хотелось хоть как-то компенсировать ту нормальную жизнь, которую они упускали из-за суеты.

С самого утра Ци Чжоу ходил на рынок и купил рыбу. Он не стал просить продавцов разделить её, а специально притащил домой целиком и гордо продемонстрировал перед Цзян Шоуянем твёрдую, как скала, руку хирурга — от чистки чешуи и до нарезки на тончайшие филе.

После обеда Цзян Шоуянь пошёл к себе домой пешком по лестнице. Ему казалось, что вызывать лифт ради двух этажей — слишком хлопотно. Особенно если внутри уже кто-то ехал: он всё ещё подсознательно боялся быть обузой и кого-то раздражать. Едва он открыл дверь, как телефон в кармане завибрировал. На его губах заиграла незаметная ему самому улыбка. Он достал мобильный.

Ци Чжоу: Что будем на ужин?

Цзян Шоуянь: ...

Ци Чжоу: ?

Цзян Шоуянь: Мы же только что поели?

Ци Чжоу: Ага, поэтому я и спрашиваю про ужин.

Цзян Шоуянь молча смахнул влево, закрывая диалог с Ци Чжоу. Немного поколебавшись, он нажал на чат с Чэн Цзайе. Последнее сообщение было отправлено около девяти утра, Чэн Цзайе написал ему: «С добрым утром». Цзян Шоуянь тоже ответил: «Доброе утро».

Усевшись на диван, он какое-то время смотрел на их переписку, затем вернулся на главный экран и проверил виджет со временем в Сан-Франциско, который добавил накануне. 21:50. В такое время он ведь ещё не спит? Цзян Шоуянь бросил взгляд на бумажных бабочек, всё ещё лежавших на углу журнального столика. Сфотографировав их, он сразу же отправил снимок.

«Кажется, я забыл, как их делать».

Ответ пришёл моментально:

«Я научу».

Спустя несколько секунд появилось ещё одно сообщение:

«Можно по видеосвязи?»

<http://bllate.org/book/14908/1603874>